
АРХЕОПОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

© Н.П. МАТВЕЕВА, Д.В. ХАЙДУКОВА, А.С. ДОЛГИХ

nataliamatveeva1703@yandex.ru, Khaidukova.darya@yandex.ru, dart.tem@gmail.com

УДК 903.5:391(571.12)

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЮМА ВОИНА ИЗ МОГИЛЬНИКА СИДОРОВКА (ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ)

АННОТАЦИЯ. В статье по данным раскопок элитарного кургана гипотетически реконструированы: одежда знатного воина из шелковой рубахи, штанов, шерстяного кафтана, обуви — мягких кожаных сапожек на ремешках, высокового головного убора цилиндрической формы с покрывалом из золотного шитья. Все это дает дополнительную информацию о быте и социальных различиях населения в период расцвета саргатской культуры. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в оформлении экспозиции краеведческого музея по теме жизнедеятельности саргатского населения, проживающего на территории юга Тюменской области на протяжении всего раннего железного века. Выяснилось, что на состав и декор костюма саргатского населения наиболее могли повлиять сарматы и кангюйцы. Расположение находок на теле погребенного отражает бытование представлений о том, что одежда выполняла защитную функцию, потому включала в себя систему оберегов для охраны наиболее уязвимых и важных частей тела. Космогоническая символика в изображении пояса и вышивок, вероятно, выражала сюжеты древних мифов.

SUMMARY. In the article according to the data of the excavation of the elitist mound were theoretically reconstructed: the clothes of a noble warrior of a silk shirt, pants, woolen kaftan, shoes — soft leather boots with straps, a high headwear of a cylindrical shape with a veil with golden embroidery; giving an extra information on the mode of life and social differences of the society in the period of the flourishing of the Sargat culture. The results of the investigation may be used in the design of expositions of the Museum of the Local Lore on the topic of the Lifestyle of the Sargat population, as having lived on the territory of the south of the Tyumen region for the whole early Iron Age. It was found out, that the biggest influence on the composition and the decoration of the costumes could have made the Sarmats and the Kangyuts. The location of the things on the body of the buried reflects the presence of the conception that the clothing served a protective function, as included the system of amulets to protect the most vulnerable and important parts of the body. The cosmogonic symbolism in the image of the belt and embroidery, probably, reflected the plots of the ancient myths.

ИСТОРИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Парадный костюм, ранний железный век, Западная Сибирь, саргатская культура.

KEY WORDS. Elite costume, Iron Age, Western Siberia, Sargat culture.

Изучение костюма ранних кочевников Евразии в последнее время ознаменовалось рядом замечательных успехов в связи с накоплением данных по материалам погребений, уникальными археологическими открытиями [1-4], а также с вниманием исследователей к проблемам социальной структуры древних обществ и истории повседневности. Наиболее полно изучено облачение населения скифской культуры А.П. Смирновым [5], М.В. Гореликом [6], Л.С. Клочко [7], Т.В. Мирошиной [8]; пазырыкской — С.А. Яценко [9], Н.В. Полосьмак и Л.Л. Барковой [11, 12], сарматской — Г.Т. Ковпаненко [2], С.А. Яценко [10], А.В. Симоненко [13], сакской — А.К. Акишевым [4], М.В. Гореликом [14].

Наше обращение к теме реконструкции костюма населения саргатской культуры обусловлено малой ее изученностью при всем том, что основные аспекты жизнедеятельности саргатцев в целом проработаны. Данные по разным элементам костюма обобщены Н.П. Матвеевой [15], ею совместно с Т.М. Потемкиной, А.И. Соловьевым предложен вариант реконструкции наборного доспеха [16], Т.М. Потемкиной — вариант женского элитарного головного убора-калафа [17]. О.В. Комаром [18; 79, рис. 3] и Л.И. Погодиным [19; 64, рис. 10] были выполнены реконструкции шлемов. Последний впервые обратился к вопросу о характере тканей и вышивок на парадной одежде саргатцев, показав широкое использование китайского золотного шитья по шелку [20], затем эта проблема была рассмотрена В.А. Захом и Т.Н. Глушковой на примере текстильных поясов [21]. В настоящее время требуют научного освящения вопросы, касающиеся реконструкций костюма по отдельным погребениям, которые бы дали нам новую, более доказательную информацию о культуре и социуме, демонстрируя особенности этнических традиций различных мест проживания и статусов отдельных категорий людей.

Источником послужили опубликованные данные погребения 1 кургана 2 из могильника эпохи раннего железного века Сидоровка Омского Прииртышья, отнесенного к позднесаргатскому периоду — II-IV вв. н.э. [22; 82]. Отличающиеся разнообразием материалов и обилием предметов роскоши они представляют интерес не только для определения культурных контактов с населением других культур кочевого мира. Сравнительно хорошая сохранность объекта и большое разнообразие органических остатков позволяют реконструировать как способы ношения отдельных видов украшений и оружия, так и некоторые детали костюма.

Методическая сложность изучения костюма по археологическим данным связана с сохранностью самого источника. По региону саргатской культуры не осталось письменных или изобразительных памятников, потому мы имеем дело только со скелетным материалом и инвентарем самих погребений. До сегодняшнего времени дошла лишь малая часть саргатских захоронений, которые не оказались ограбленными. Кроме того, на сохранность вещей повлияли и естественные процессы гниения и разложения органических материалов. Мо-

гильник Сидоровка содержит лишь два непо потревоженных погребения, из которых погр. 2 кургана 1 [22; 8-13] является наиболее показательным, благодаря своей информативности, в деле реконструктивных построений.

В могиле был похоронен мужчина 30-35 лет, останки которого находились в удовлетворительном состоянии. С умершим было положено большое количество разнообразного погребального инвентаря, лежавшего на своих местах, в том числе оружие для дальнего и ближнего боя, железный наборный доспех, котлы, драгоценные украшения и посуда, редкие привозные предметы быта (рис. 1).

Рис. 1

Изделия, которыми декорировался костюм погребенного, по месту их прижизненного ношения можно разделить на группы. Это детали головного убора — золотые пронизки; личные украшения: золотая серьга, гривна; элементы одежды, локализованные в области пояса — золотые пластины, серебряная пряжка, золотая накладка; принадлежности обуви, обнаруженные среди костей стоп, — золотые пряжки. Ткани в погребении представлены остатками золотного шитья, шелка, кожи, войлока.

В ходе раскопок было зафиксировано расположение золотых пронизок на черепе правильной линией, проходящей посередине лба параллельно надбровным дугам. Всего пронизок было собрано 19 шт., среди них гладкие (15 шт.) и гофрированные (4 шт.). Длина — от 1 до 1,5 см, диаметр — 0,15-0,2 см [22; 49]. Расположение изделий без интервалов, их общая длина, не достигающая полной окружности головы, могут указывать на вышитую переднюю часть убора, где пронизки украшали нижний край шапки. Сама шапка была высокой, о чем свидетельствуют остатки ткани, шитой золотыми и серебряными нитями северовосточнее черепа, слева, на расстоянии не менее чем 20 см от него, судя по чертежу. Однако в публикации В.И. Матющенко и Л.В. Татауровой указано: «...это полотнище имело зеркальную форму буквы Г, окружая область черепа умершего, размеры его 0,65 x 0,43 м» [22; 13, рис. 9]. Столь большие размеры ткани над черепом предполагают какое-то свисающее с каркаса покрытие, как в уборах священнослужителей.

С точки зрения формы головного убора можно высказаться в пользу цилиндрического, так как остатки ткани сохранились вдалеке от черепа, однако голова не была завалена набок [22; рис. 9]. Хотя не исключено, что при разложении тканей головной убор мог и упасть на левую сторону. Такие высокие уборы зафиксированы в ряде случаев у населения сопредельных территорий. Так, конические шлемы из войлока с ушами-завязками, открыты у населения пазырыкской культуры Горного Алтая [12; 157, рис. 105], высокие колпаки-кулахи были характерны для саков [4; 79]; для знати каменной культуры в предгорьях Алтая [3; рис. 36]. По изобразительным и археологическим данным, для них реконструируются нащечные лопасти и язык, защищающий шею сзади. В нашем случае не найдены элементы декора, свидетельствующие о коническом завершении, поэтому сближать с пазырыкскими «птицевидными» шлемами обсуждаемый убор нет оснований. Зато уборы типа кlobуков известны уже в скифское время [8; 30], по форме отдаленной аналогией можно назвать женский скифский калаф, имевший цилиндрический каркас и державшийся за счет деревянного обруча внутри него, однако, последний реконструирован как что-то вроде кокошника, охватывающего голову только спереди и сбоку [8; 41]. При такой высоте, как в нашем случае, считаем, что устойчивей держался бы полный цилиндр. В частности, примером сходной конструкции головного убора может служить кlobук, состоящий из «камилавки» — цилиндра с обрезанным по контуру лица краем, и «наметки» — шелковой накидки, закрепленной поверх нее.

Материалом могли служить дорогие импортные ткани. Вероятно, это был шелк, поверх которого нашивались узоры шелковыми нитями, опряденными

тонкой золотой фольгой, как в могильнике Исаковка-1 [20; 126]. Именно такие ткани ввозились по Шелковому пути и найдены в разных местах степи, например, в Соколовой могиле на Буге [2], у сарматов Поволжья, на Северном Кавказе [23] и др. В саргатских памятниках они известны более чем в 30 комплексах [20; 123].

В ближайшем по территории и датировке могильнике Исаковка-1 остатки ткани от двухслойного головного убора были представлены тонким полотном из шерсти красного цвета и растительным репсом темно-болотного цвета [24; 56]. Поэтому мы также предполагаем, что убор был двухслойным, а шелк с золотом был внешним слоем, нашитым на подкладку.

Наплечная мужская одежда кочевников данного периода — это кафтаны и куртки [27; 177]. В погребении были найдены фрагменты шелка, который по своему расположению мог относиться к одежде умершего [22; 55]. Следы двух видов ткани на железном ноже, располагавшемся на близком расстоянии от тела умершего [22; 13], говорят в пользу того, что на мужчине были нижняя и верхняя одежда — рубаха и кафтан. Выбор в пользу варианта ношения более длинной и теплой верхней одежды сделан на основании расположения этих остатков ниже кисти вытянутой левой руки, из чего мы можем заключить, что полы одежды находились на линии середины бедра или ниже. Авторы в опубликованных материалах не уточнили, каких размеров и из какого волокна были именно эти фрагменты ткани. Но в предварительном сообщении В.И. Матющенко указал, что остатки ткани (которую он именовал парчой) располагались вдоль правого бедра рядом с наконечниками стрел и костяными накладками на лук. Орнамент на ней представлял собой розетки и волнообразные узоры [28; 55-56].

Мы можем предполагать, что рубаха была изготовлена из привозной мягкой ткани (шелка), а кафтан выполнен из более грубых шерстяных полотен. Шелковые одежды в связи с торговлей по Великому шелковому пути были доступны знати кочевых племен и обнаруживались неоднократно в погребениях сарматов, гуннов, населения Горного Алтая, Согда, Бактрии и других земель Центральной Азии. Так, однотонные рубахи известны из находок в пазырыкских курганах Алтая [23; 110]. В качестве аналогии используемых тканей в обсуждаемый период можно привести сведения из близкого по времени и территории Исаковского-1 могильника, опубликованные Т.Н. Глушковой [24]. При проведении анализа фрагментов текстиля из указанного могильника ею были выделены основные виды тканей, которые шли на изготовление одежды — шелк, окрашенный в красный цвет и вытканый узором из золотых нитей, шерстяная ткань полотняного переплетения, ткань из растительного сырья [29; 111-112].

Весьма вероятно, что кафтан сидоровского воина был шерстяным из полотна, подобно кафтану из менее богатого погр. 3 кургана 7 могильника Чепкуль-9. Вряд ли он был из кожи, которая была рядовым материалом того времени. Возможна окраска верхней одежды в красный или красно-коричневый цвет растительными красителями, что чаще всего практиковалось [21; 64, 66], а также декор вышивкой из органических материалов. Красный — один из ба-

зовых среди цветовых предпочтений ранних кочевников [30]. Именно в этот цвет были окрашены ножны в могиле воина, красно-черный декор имел кожаный сосуд [22; 13], потому мы не исключаем возможности придания такого цвета ткани, из которой был изготовлен кафтан. Красный цвет не случайно фигурировал во многих случаях ритуальных практик народов скифо-сибирского мира. Он символизировал собой стихию огня, был показателем парадной одежды. Рубахи, окрашенные в один цвет, известны из находок в пазырыкских курганов Ак-Алаха [12; 110].

В реконструкциях внешнего облика воинов по материалам сарматских погребений и изобразительных источников, например, по гравировке на гривне из кургана 10 Кобяковского могильника, по изображениям на нижнем регистре консульского диптиха из слоновой кости, сосуде из Косики [31; 47, 51, 65, 162] видно, что их куртки были короткие без ворота с треугольным вырезом на груди. Но в иранской среде также известны и длинные кафтаны. Например, длинный кафтан с треугольным вырезом, под который надет панцирь, представлен на всаднике с фрески дворца в Пенджикенте, длинные кафтаны имеются у бактрийских и кушанских всадников на скульптурном панно в Халчаяне [31; 86, 114]. Из этого следует, что и короткие куртки, и длинные кафтаны одновременно бытовали в одной и той же среде и использовались в соответствии с обстоятельствами.

Остается открытым вопрос о наличии второго кафтана — шелкового, вышитого золотыми нитями. В предварительной публикации В.И. Матющенко склонялся к представлению, что «...умерший, видимо, был в расшитой парчой одежде...» [32; 192], а в книге указывает только оторочку колчана [22; 13]. Шелковая куртка до колен была на исаковском воине [20; 126], поэтому считаем это весьма вероятным и для сидоровского.

Полы кафтана сидоровского воина скреплял пояс. К нему относятся две золотые пластины с изображением сцен терзания, серебряная пряжка с геральдическим изображением львиных грифонов, золотая наременная накладка. Последняя располагалась несколько выше других предметов, что можно объяснить тем, что данная пряжка находилась на портупейном ремне, а не на пояском, поскольку ширина прорези в ней составляет всего 2 см, и следовательно, приемный ремень был узким [19; 35]. Такое объяснение согласуется с разрозненностью частей портупейи в могиле. Получается, что обсуждаемая фигурная пряжка принадлежала одному из двух портупейных ремней, жестко связанному с ножнами меча, в пользу чего говорит то, что на золотой накладке с изображением хищника с вывернутым туловищем, имелись заклепки для жесткого крепления на ремне шириной 4,6 см [19; 34, рис. 3]. Таким образом, второй ремешок, для подвешивания меча к портупейному поясу, остался на портупее в комплекте с доспехами.

Сам пояс представлял собой широкую кожаную ленту, на которой были закреплены золотые поясные пластины с изображением сцен терзания: борьба дракона и двух тигров. На их оборотной стороне сохранились бронзовые скобы для продевания ремня. Такие массивные изделия могли крепиться только на прочную основу, в качестве которой выступала кожа, фрагменты

которой и были найдены в отверстиях накладок [21; 13]. Ширина кожаной основы, скорее всего, зависела от высоты пластин и составляла примерно 8 см.

Расположение оружия у тела погребенного свидетельствует об отсутствии портупей на туловище в момент захоронения. Она, скорее всего, была помещена вместе с доспехами в углу могилы. Серебряные пряжки (6 шт.), обнаруженные рядом с пластинками панциря [22; 13], по нашему мнению, украшали портупею и предназначались для привешивания оружия. Рядом с ними была найдена большая железная пряжка, которая могла скреплять концы портупейного ремня между собой. Кроме того, в том же месте были найдены 4 серебряные нашивки и 4 серебряные заклепки, видимо, предназначавшиеся для украшения ремней портупей. То есть, портупея находилась поверх панциря и была вместе с ним сложена, поэтому вещи из ее комплекта смещены относительно первоначального положения. А меч и кинжал, каждый — в ножнах, покрытых красным китайским лаком [19; 30] и декорированных гвоздиками и бляшками, в процессе погребального обряда были вложены в руки покойного. Сходный пример расположения доспехов в стороне от тела встречаем в саргатском погребении кургана 17 Красногорского-1 могильника [33; 35]. Портупейный ремень для ношения оружия обнаружен, например, в несколько более раннем саргатском могильнике Абатский-1 [33; 12], где у погребенного на тазовых костях были найдены 4 однотипные круглые бронзовые пряжки, служившие для подвешивания оружия, которое было найдено в непосредственной близости от них [34; 22-25].

На вопрос, почему доспех был не на покойном, а в стороне, мы видим два объяснения: первое — он умер не на поле боя, надеть его на окоченевшее тело не представлялось возможным; второе — он выполнял в обществе еще и иные функции, например, прорицателя. На последнюю мысль наводит содержание так называемого «колчана... из материи, по краю расшитого золотой и серебряной провололочкой». В нем (или под ним) кроме 20 стрел, судя по наконечникам, находились ребро, лопатка и сустав лошади [22; 13], по-видимому, набор для гадания.

Две золотые пряжки-застежки, инкрустированные бирюзой, найденные в области щиколоток погребенного, позволяют констатировать ношение сапог. Так как они располагались симметрично, то можно говорить о том, что они крепились по одной внизу голенищ. На каждой пряжке, на срединной коленчатой перекладине, с оборотной стороны, имелся короткий шпенок с головкой для крепления к поверхности. Таким образом, они не пришивались, а крепились неподвижно, что делалось, разумеется, для прочности. Несомненно, в условиях кочевого быта этому уделяли особое внимание, ведь если бы пряжки на сапогах были закреплены нитью, то от перетирания ее они могли быть утеряны. Сапоги на месте щиколоток, видимо, были перехвачены ремешками, которые и были украшены золотыми пряжками. Обращаясь к аналогиям из саргатских памятников [20; 125-126], предполагаем, что высота сапог могла быть от нижней трети голени до колен; в сапоги заправлялись штаны. Такой способ ношения обуви обусловлен хозяйственным укладом и климати-

ческими особенностями мест их проживания. В данном случае можно привести параллель с сакским костюмом, где штанины брюк заправлялись в длинные голенища, а обувь украшалась бляхами [7; 52].

В рассматриваемом нами захоронении не сохранились остатки ткани от штанов. Их облик мы можем восстановить, обращаясь к данным по костюму других иранских народов. В Приаралье штаны шили из кожи, по бокам украшали бляшками [31]. По материалам пазырыкской культуры видим, что мужские штаны были узкими, изготовлены из грубой шерсти, плотной замши [10; 145-170]. На многочисленных рисунках, гравировках, в торевишке у сарматов обычно показаны штаны узкие, заправленные в короткие сапожки, перевязанные у щиколоток [31; 65]. Но античные авторы (Помпоний Мела, Тацит, Лукиан, Аммиан Марцелин) подчеркивают, что парфяне, сарматы, аланы носили широкие шаровары из шерсти или кожи, вероятно, противопоставляя одежду оседлых и кочевых народов и не выделяя этнографические особенности отдельных их групп [31; 71]. Так, мы видим, что материал для штанов выбирали плотный, грубый. Это могло быть вызвано как холодными климатическими условиями местности, так и тем, что при кочевом укладе жизни человеку часто приходилось быть в седле, что подвергало поясную одежду более быстрому изнашиванию. Не исключаем и того, что в погребальном костюме могли присутствовать штаны из комплекта парадной одежды. Например, в могильнике Исаковка-1 саргатской культуры в п. 6 к. 3 штаны погребенного вдоль боковых швов были украшены золотным шитьем [20; 126].

Таким образом, предположим, что захороненный в Сидоровке молодой человек был среднего для саргатских мужчин роста — около 170 см, европеоидной внешности, со средневысокой черепной коробкой и широким лицом [36; табл. 4.11; 173]. Он был облачен в рубаху, изготовленную из шелка, на нее был надет кафтан, полы которого поддерживал пояс, украшенный золотыми накладками (см. рис. 2). Кроме того, воину принадлежали железный панцирь и портупья, декорированная серебряными изделиями, которые не были надеты на него при захоронении. Голову украшал высокий парадный убор. Обувью являлись кожаные сапоги без каблука, голенища которых затягивались ремешками с золотыми пряжками. Также были надеты штаны, которые могли быть орнаментированы вышивкой из органических материалов.

Как знак особого социального отличия, на шею погребенного была надета массивная гривна, в левом ухе — одна золотая серьга. В ранний период саргатской культуры было характерно ношение мужчинами одной серьги в правом ухе, позднее — в левом [15; 214]. Такой обычай мы можем встретить и в других культурах. В качестве примера можно привести способ ношения украшений в пазырыкском обществе, когда женщины носили в ушах две серьги, мужчины — одну [12; 163].

Хотя все исследователи саргатской культуры подмечали большую роль политических и торговых контактов с саками на основе их исторической общности [25; 64], вследствие чего саки могли повлиять на состав и декор саргатского костюма, но для позднесаргатского времени все же более вероятны

Рис. 2

влияния сарматов, кангюйцев, что широко документировано инвентарем [26].

По результатам моделирования на основе статистической обработки данных саргатских погребальных памятников сидоровское захоронение входит в одну группу высшей воинской аристократии с Исаковским-1 и по количеству и качеству утвари и размеру погребальной камеры, и по наличию зависимых людей, помещенных рядом с предводителем [15; 179].

Таким образом, анализ расположения находок на теле погребенного и определение мест их возможного прижизненного ношения позволяют считать, что древние старались украсить ту область костюма, которая защищала жизненно важные части тела. Видимо, у населения саргатской культуры бытовали представления, свойственные и другим древним обществам, о том, что одежда выполняла защитную функцию, потому включала в себя систему оберегов для охраны наиболее уязвимых и важных частей тела. Всегда декорировали головной убор и пояс, так как эти области ассоциировали с разумом, волей, душевной силой, плодовитостью, деторождением. В данном случае наряд отличается особым богатством и драгоценными, прежде всего, золотыми одеждами и украшениями, свидетельствующими о сакральной мудрости и доблести правителя и военного вождя. Космогоническая символика в изображениях пояса и вышивок, вероятно, выражала сюжеты древних мифов, каким-то образом актуализировавшихся в погребальном обряде выдающихся лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мозолевский Б.Н. Толстая могила. Киев: Наукова Думка, 1979. 251 с.
2. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: Наукова Думка, 1986. 152 с.
3. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: изд-во АГУ, 2003. 204 с.
4. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
5. Смирнов А.П. Скифы. М.: Наука, 1966. 200 с.
6. Горелик М.В. Комплекс скифского мужского костюма ираноязычных народов VI-IV вв. до н.э. // Сб. докл. III Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1979.
7. Клочко Л.С. Скифская обувь // Советская археология. 1992. № 1. С. 26-33.
8. Мирошина Т.В. Скифские калафы // Советская археология. 1980. № 1. С. 30-45.
9. Яценко С.А. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // Вестник древней истории. 1999. № 3. С. 145-170.
10. Яценко С.А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // Советская археология. 1987. №3. С. 166-176.
11. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2005. 232 с.
12. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
13. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 328 с.

14. Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 110-133.
15. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке: лесостепная и подтаежная зона. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
16. Матвеева Н.П., Потемкина Т.М., Соловьев А.И. Некоторые проблемы защитного вооружения носителей саргатской культуры // Археология, антропология, этнография Евразии. 2004. № 4 (20). С. 85-99.
17. Potjomkina, T. Offerprastinnas grav fran aldresarmatik tid I vastsibirien // Skyter och sarmater fran don till Ural/ Arheologiska instutet vestenskapsakademin SSSR, 1990. P. 45-51.
18. Комар О. В. Реконструкция шлема саргатской культуры Исаковского-1 могильника (по материалам экспериментов 2005—2007 гг.) // Ab origine: проблемы генезиса культур Сибири. 2008. Вып. 2. С. 73-83.
19. Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: ОмГУ, 1998. 84 с.
20. Погодин Л.И. Золотное шитье Западной Сибири (первая пол. I тыс. н.э.) // Исторический ежегодник. 1996. С. 123-134.
21. Зах В.А., Глушкова Т.Н. Тканые пояса из могильника Чепкуль-9 кургана 7 // Археология, антропология и этнография Евразии. 2009. № 4 (40). С. 57-66.
22. Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.
23. Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Труды Государственного Эрмитажа. 1979. Т. XX. С. 87-113.
24. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут, 2002. 206 с.
25. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 2004. 136 с.
26. Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 292-311.
27. Матвеева Н.П. Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 207 с.
28. Матющенко В.И. Погребение воина саргатской культуры (предварительное сообщение) // Известия СО РАН. Серия: история, философия, филология. 1989. № 1.
29. Глушкова Т.Н. Текстильные материалы Исаковского-1 могильника // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 110-113.
30. Яценко С.А. Цветовые предпочтения в костюме древних ираноязычных народов. URL: http://www.narodko.ru/article/yatsenko/color__iran/iran.htm (дата обращения: 23.04.2012).
31. Нефедкин А.К. Военное дело сарматов и аланов по данным античных источников. СПбГУ. СПб: Нестор-История, 2011. 304 с.
32. Матющенко В.И., Яшин В.Б. Погребение воина из могильника у с. Сидоровки Омской области и некоторые вопросы мировоззрения кочевников степей // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тезисы докл. обл. научной конф. Омск: ОмГУ, 1987. С. 192-193.
33. Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
34. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

35. Елкина А.К., Левина Л.М. Одежда, ткани и кожа из джетыасарских могильников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 5. М., 1995. С. 40-41.
36. Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.

REFERENCES

1. Mozolevskij, B.N. *Tolstaja mogila* [Thick grave]. Kiev: Naukova Dumka, 1979. 251 p. (in Russian)
2. Kovpanenko, G.T. *Sarmatskoe pogrebenie I v. n.je. na Juzhnom Buge* [Sarmatian interment in the Ist century AD on The Southern Bug]. Kiev: Naukova Dumka, 1986. 152 p. (in Russian)
3. Shul'ga, P.I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [Burial ground of scythian epoche Lokot-4 a]. Barnaul: Altaisky State University publ., 2003. 204 p. (in Russian)
4. Akishev, K.A. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana* [Kurgan Issyk. The Saka of Kazakhstan's Art]. M.: Iskusstvo, 1978. 132 p. (in Russian)
5. Smirnov, A.P. *Skify* [The Scythians]. M.: Nauka, 1966. 200 p. (in Russian)
6. Gorelik, M.V. The complex of the Scythian male costume of the Iranian-speaking people in the VI-IV centuries BC. *Sbornik докладов III Vsesojuznoj konferencii po iskusstvu i arheologii Irana — Collection of reports of the III nationwide conference on art and archaeology of Iran*. M., 1979 (in Russian)
7. Klochko, L.S. Scythian footwear. *Sovetskaja arheologija — Soviet archeology*. 1992. № 1. P. 26-33 (in Russian).
8. Miroshina, T.V. Scythian kalathoi. *Sovetskaja arheologija — Soviet archeology*. 1980. № 1. P. 30-45 (in Russian).
9. Jacenko, S.A. Costume of Pazyryk culture tribes of Gorny Altai as a historical source. *Vestnik drevnej istorii — Journal of Ancient History*. 1999. № 3. P. 145-170 (in Russian).
10. Jacenko, S.A. The reconstruction of the women's shoulder clothes of Sarmatia. *Sovetskaja arheologija — Soviet archeology*. 1987. № 3. P. 166-176 (in Russian).
11. Polos'mak, N.V., Barkova, L.L. *Kostjum i tekstil' pazyrykcev Altaja (IV-III vv. do n.je.)* [Costume and textile of the Pazyryk people of Altai (IV-III centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2005. 232 p. (in Russian)
12. Polos'mak, N.V. *Vsadniki Ukoka* [Ukok riders]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001. 336 p. (in Russian)
13. Simonenko, A.V. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ja* [Sarmatian riders of the Northern Black Sea coast]. Saint-Petersburg: Philology and art department of Saint-Petersburg State University, 2009. 328 p. (in Russian)
14. Gorelik, M.V. The Saka armor. *Central'naja Azija. Novye pamjatniki pis'mennosti i iskusstva — Central Asia. New monuments of writing and art*. M., 1987. P. 110-133 (in Russian).
15. Matveeva, N.P. *Social'no-jekonomicheskie struktury naselenija Zapadnoj Sibiri v rannem zheleznom veke: lesostepnaja i podtaezhnaja zona* [The socio-economic structure of the population of Western Siberia in the early iron age: forest steppe and sub-taiga zone]. Novosibirsk: Nauka, 2000. 399 p. (in Russian)
16. Matveeva, N.P., Potemkina, T.M., Solov'ev, A.I. Some problems of defensive weapons of the Sargat culture people. *Arheologija, antropologija, jetnografija Evrazii — Archaeology, anthropology, ethnography of Eurasia*. 2004. № 4 (20). P. 85-99 (in Russian).
17. Potjomkina, T. Offerprastinnas grav fran aldresarmatik tid I vastsibirien. *Skyter och sarmater fran don till Ural*. Arheologiska instutet vestenskapsakademien SSSR, 1990. p. 45-51.

18. Komar, O.V. Reconstruction of the helmet of the Sargat culture of Isaakovsky-1 Burial ground (based on experiments in 2005-2007). *Ab origine: problemy genezisa kul'tur Sibiri — Ab origine: problems of the genesis of Siberian cultures*. 2008. Ed. 2. P. 73-83 (in Russian).
19. Pogodin, L.I. *Vooruzhenie naselenija Zapadnoj Sibiri rannego zheleznogo veka* [Armaments of the Western Siberia population of the early iron age]. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet publ., 1998. 84 p. (in Russian)
20. Pogodin, L.I. Western Siberia Gold embroidery (the first half of the 1st millenium AD). *Istoricheskij ezhegodnik — Historical annual*. 1996. P. 123-134 (in Russian).
21. Zah, V.A., Glushkova, T.N. Woven belts from a burial ground Chepkul-9 of burial mound 7. *Arheologija, antropologija i jetnografija Evrazii — Archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia*. 2009. № 4 (40). P. 57-66 (in Russian).
22. Matjushhenko, V.I., Tataurova, L.V. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e* [Burial ground Sidorovka in Omsk Irtysh]. Novosibirsk: Nauka, 1997. 198 p. (in Russian)
23. Zaseckaja, I.P. Savromatskie and Sarmatian burials of the Nicholas cemetery in the Lower Volga. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha — Works of the State Hermitage*. 1979. T. XX. Pp. 87-113 (in Russian).
24. Glushkova, T.N. *Arheologicheskie tkani Zapadnoj Sibiri* [Archaeological fabrics of Western Siberia]. Surgut, 2002. 206 p. (in Russian)
25. Troickaja, T.N., Novikov, A.V. *Arheologija Zapadno-Sibirskoj ravniny* [Archaeology of the West Siberian Plain]. Novosibirsk: Nauka, 2004. 136 p.
26. Mogil'nikov, V.A. The Sargat Culture. *Stepnaja polosna Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja — Asian steppe zone of the USSR in the Scythian-Sarmatian period*. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 292-311 (in Russian).
27. Matveeva, N.P. *Rekonstrukcija social'noj struktury drevnih obshhestv po arheologicheskim dannym* [Reconstruction of the social structure of ancient societies according to archaeological data]. Tyumen: Tjumenskij gosudarstvennyj univeristet Publ., 2007. 207 p. (in Russian)
28. Matjushhenko, V.I. The Sargat culture warrior's burial (preliminary report). *Izvestija SO RAN — Izvestija Siberian Branch Russian Academy of Sciences*. Ser. history, philosophy, philology. 1989. № 1 (in Russian).
29. Glushkova, T.N. Textile materials of the Isakovsky-1 burial ground. *Materialy po arheologii Ob'-Irtysh'ja — Materials of the archeology of the Ob-Irtysh*. Surgut: Surgutskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet publ., 2001. Pp. 110-113 (in Russian).
30. Jacenko, S.A. *Cvetovye predpochtenija v kostjume drevnih iranojazychnyh narodov* (Colour preferences in the costume of ancient Iranian peoples). Available at: http://www.narodko.ru/article/yatsenko/color__iran/iran.htm (accessed 23 April 2012) (in Russian)
31. Nefedkin, A.K. *Voennoe delo sarmatov i alanov po dannym antichnyh istochnikov* [Sarmatians and Alans's military affair according to ancient sources]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. 304 p. (in Russian)
32. Matjushenko, V.I., Jashin V.B. The warrior's burial from the burial ground near the village Sidorovka of Omsk region and some world-view issues of the nomads of the steppes. *Istoricheskie chtenija pamjati M.P. Grjaznova. Tezisy dokladov oblastnoj nauchnoj konferencii* (Historical memory readings M.P. Gryaznov. Reports of the Regional Scientific Conference). Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet publ., 1987. P. 192-193 (in Russian).
33. Matveeva, N.P. *Sargatskaja kul'tura na Srednem Tobole* [The Sargat culture in the Middle Tobol]. Novosibirsk: Nauka, 1993. 175 p. (in Russian)

34. Matveeva, N.P. Rannij zheleznyj vek Priishim'ja [Early Iron Age of Ishim]. Novosibirsk: Nauka, 1994. 152 p. (in Russian)

35. Elkina, A.K., Levina, L.M. Clothing, textiles and leather from Jetyasar burial grounds. *Nizov'ja Syrdar'i v drevnosti — Syr-Darya in antiquity*. Moscow, 1995. No. 5. Pp. 40-41.

36. Razhev, D.I. *Bioantropologija naselenija sargatskoj obshhnosti* [Bioantropologiya of the population of the sargat community]. Yekaterinburg: Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2009. 492 p. (in Russian)